

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7340
2021. 8(1): 3-11

DOI: 10.13187/zngup.2021.1.3
<https://zgup.cherkasgu.press>

Articles

Bases for Civil Liability of Judges

Alexey A. Maksurov ^{a, *}

^a Yaroslavl State University P.G. Demidova, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract

Based on the analysis of the current Russian legislation and law enforcement practice, the article discusses the issues of bringing judges to civil liability.

The author constructs the elements of torts that serve as the basis for holding a judge accountable, shows the limits and restrictions associated with the implementation of such opportunities. According to the researcher, the problem here lies in the fact that a civil offense in its “classical” sense has formal and material features, but this approach is somewhat transformed in this case, since the basis here will be an official offense.

This kind of legal basis of the tort allows you to take a different look at the issues of guilt. It also affects the understanding of the actions themselves to cause harm, in connection with which the author proposes to expand the provisions of paragraph 1 of Article 1070 of the Civil Code of the Russian Federation, providing as a basis for civil liability situations when a judge, without taking active actions, nevertheless, must was to commit them on the basis of the essence of the case in his proceedings (unlawfully inactive).

The researcher comes to the conclusion that the personality of the commission of specific illegal actions by a specific official – a judge – does not affect the very fact of compensation for damage and its size, which allows us to talk about damage from judicial acts adopted by a panel of judges with unconditional observance of the secrecy of the deliberation room.

The paper made proposals for improving the legislation on holding judges accountable. It is determined in what situations it is impossible or difficult to bring Russian judges to civil liability.

The study also provides additional bases for holding judges accountable, which may be reflected in civil law.

Keywords: civil liability, liability of judges, delict, bases for liability, guilt in an offense.

1. Введение

В современном мире сама возможность получить возмещение убытков от противоправной деятельности органов государства и его должностных лиц является признаком развитого правопорядка и даже, в некоторой степени, необходимой предпосылкой к определению сущности данного конкретного государства как правового.

Несмотря на многолетнюю историю механизма возмещения вреда от незаконных действий суда, он несовершенен и поныне. Значительный отпечаток на реализацию норм

* Corresponding author
E-mail addresses: maxurov78@yandex.ru (A.A. Maksurov)

настоящего института оказывали и оказывают политико-правовые реалии конкретного государства, а именно, место и роль сторон диалога «государство – гражданское общество» в самом этом диалоге.

Судебная власть долгое время была излишне «защищенной» от обоснованных претензий имущественного и неимущественного характера, предъявляемых физическими и юридическими лицами в связи с нарушением их прав и охраняемых законом интересов действием (бездействием, решением) суда (судьи). В наше время положение изменилось.

В последние десятилетия в Российской Федерации сформирован такого рода комплексный институт правовых норм, который, однако, в своем применении, не лишен и существенных недостатков.

В частности, отсутствует единый подход к пониманию сущности возмещения вреда от противоправных действий судьи, нет единства в понимании основных норм гражданского права, регулирующих данные вопросы, отсутствуют приемлемые формулировки деликтных составов в этой области, оставляет желать лучшего и механизм исполнения решений о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями судей.

Все указанное выше приводит к неэффективному и бессистемному применению норм, регулирующих вопросы реализации права на возмещение вреда от противоправных действий суда (судьи).

Разрешение отмеченных выше и связанных с ними вопросов и относится к целям исследования в указанной сфере.

2. Материалы и методы

В качестве информационной базы выступили российское гражданское законодательство и практика его применения судами, а также практика Европейского Суда по правам человека, статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

При написании работы были использованы обще- и частно-научные методы, среди которых формально-логический метод, социологический, филологический, метод обобщения юридической практики, метод системного анализа, метод сравнительного правоведения.

3. Обсуждение

В юридической науке нет единства взглядов на вопрос о сущности оснований юридической ответственности.

Основанием обычно называют условие возникновения чего-либо ([Философский словарь, 2020: 618](#)), а, с точки зрения философии также и устраненное противоречие ([Философский энциклопедический словарь, 2021: 910](#)). Этимологически основание – это – причина ([Ожегов, 2021: 448](#)), достаточный повод, оправдывающий что-нибудь ([Ожегов, Шведова, 2020: 718](#)).

В науке выделяют социальные и юридические основания ответственности.

В литературе общепринято мнение, что в основе социальных оснований правонарушений находятся объективные социальные противоречия ([Кудрявцев, 2018: 188](#)). Необходимость разрешения социальных противоречий обуславливает возникновение социальной потребности в установлении юридической ответственности за причиненный государством (его органами) физическому или юридическому лицу вред.

В отношении юридических оснований в науке господствует мнение о том, что единственным основанием юридической ответственности будет наличие в действиях лица конкретного правонарушения ([Спиридонов, 2021: 345](#)), что выражается в составе правонарушения ([Филимонов, 2018: 110](#)), хотя отдельные авторы и обращают сегодня внимание на то, что сам по себе состав правонарушения, в том числе, деликта, не может быть признан полным основанием юридической ответственности ([Филимонов, 2015: 106-111](#)).

Авторы ориентируют нас на обязательное выделение у правонарушения двух признаков: формального (противоправность) и материального (причинение вреда) ([Жметкин, 2014: 182-194](#)) и указывают на особое основание гражданско-правовой ответственности органов власти и их должностных лиц – служебное правонарушение ([Прусаков и др., 2018: 109](#)).

На вопросе виновности как обязательного (факультативного?) признака служебного правонарушения мы остановимся ниже, а в целом такого рода определение представляется нам правильным.

Предваряя исследование, необходимо обратить внимание не следующие концептуально важные моменты.

Прежде всего, отметим, что потерпевшими субъектами могут быть как физические лица (граждане) так и лица юридические, но по разным к тому основаниям. Различие оснований объясняется как спецификой природы данных субъектов права, так и особенностями непосредственно их юридической ответственности, в сфере привлечения к которой и возможны незаконные действия суда.

Исходя из наименования статьи 1070 ГК РФ, закон предусматривает основания ответственности за вред, причиненный именно незаконными действиями судьи. Перечисление в п.1 ст.1070 ГК РФ деяния также предполагают некую активность судьи, описывают динамическую модель его противоправного поведения.

Между тем, мы полагаем, что положения пункта 1 статьи 1070 ГК РФ следует толковать расширительно и распространять случаи гражданско-правовой ответственности и на ситуации причинения вреда незаконным бездействием судьи.

Например, незаконно, при отсутствии на то достаточных оснований, применив в отношении обвиняемого в совершении преступления меру пресечения в виде заключения под стражу или продляя сроки заключения, суд явно предпринимает активные действия, однако вышестоящий суд, незаконно оставляя лицо под стражей при обжаловании данной меры пресечения, по сути, противоправно бездействует, хотя, с определенной долей допуска, отказ в удовлетворении жалобы на заключение под стражу можно считать действием.

Вообще, закон ничего не говорит об ответственности в такого рода случаях (в ситуациях утверждения незаконного судебного акта вышестоящей инстанцией), поскольку ответственность несет само государство за незаконные действия (бездействие) своих служащих, в связи с чем персональность совершения конкретных незаконных действий конкретным должностным лицом – судьей – никак не влияет на сам факт возмещения ущерба и его размер.

К тому же это сложно сделать технологически: принимаемые вышестоящим судом решения обычно коллегиальны по своему способу принятия, а принцип соблюдения тайны совещательной комнаты пока еще никто не отменял.

Тем не менее, в случае буквального толкования положений п.2 ст.1070 ГК РФ, вступившим в законную силу приговором суда должна быть установлена вина каждого конкретного судьи.

4. Результаты

В связи с изложенным, полагаем возможным уточнить наименование статьи 1070 Гражданского Кодекса Российской Федерации, указав его в следующем виде:

«Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда».

Частью 1 статьи 1070 ГК РФ предусмотрено несколько видов деликта как оснований привлечения к ответственности за незаконные действия судей.

В отношении физических лиц (граждан) ответственность может наступать по нескольким различным основаниям.

Во-первых, это основания, связанные с незаконным осуждением того или иного лица.

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что уголовное и уголовно-процессуальное право и законодательство достаточно широко оперирует понятием «осуждение» без предложения какой-либо легальной дефиниции указанному термину. Разве что в п.2 ст.47 УПК РФ отмечается, что осужденным именуется обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, однако такого рода наименование отвечает исключительно запросам законодательной техники и не раскрывает сущностных признаков понятия «осуждение».

Рассмотрение имманентных свойств такой категории как «осуждение» не относится к целям настоящей работы.

Вместе с тем, права человека и гражданина могут быть нарушены и без осуждения лица, например, вынесением незаконного решения о применении принудительных мер медицинского характера.

Права могут быть нарушены и оправдательным приговором, когда, например, лицо было оправдано, но вещественные доказательства незаконно обращены в доход государства. К слову сказать, эти вещественные доказательства вообще могут принадлежать не обвиняемому (подсудимому), а третьему лицу, в том числе, лицу юридическому.

Соответственно используемый законодателем термин «осуждение» явно не корректен и не отвечает современным реалиям. Полагаем возможным заменить его на указание о «незаконном акте, принятом судом в рамках уголовного судопроизводства или по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении, нарушившим права гражданина или юридического лица».

Во-вторых, к числу таковых с точки зрения закона могут быть отнесены основания, связанные с незаконным привлечением к уголовной ответственности.

Также предлагаем и в данном случае рассматривать вопрос шире.

Прежде всего, могут быть нарушены права не только обвиняемого, но и подозреваемого в совершении преступления. Кроме того, правильнее вести речь и о незаконном привлечении к административной ответственности, тем более, что по многим «современным» составам административных правонарушений наказание в виде штрафа в разы превышает штраф как наказание за совершение преступления.

В-третьих, это основания, определенные незаконным применением в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде.

Нарушение прав человека и гражданина путем незаконного применения таких мер пресечения как заключение под стражу или подписка о невыезде очевидно и вряд ли требует дополнительных доказательств.

Мера пресечения в виде заключения под стражу используется судами очень широко.

Например, в 2018 году судами Российской Федерации было рассмотрено 114257 ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых 102165 ходатайств удовлетворено, то есть удовлетворено почти 90 % ходатайств органов предварительного расследования, причем за предыдущие 10 лет (2008–2017 гг.) эта цифра никогда не опускалась ниже 89 %.

Между тем, интерес представляет не указанная цифра сама по себе и даже ее позитивная динамика, а иные сравнительные характеристики.

Так, в число удовлетворенных ходатайств включаются и ходатайства о продлении срока содержания под стражей, а также о применении заключения под стражу как более строгой меры пресечения, а, как показывает практика, суды гораздо более охотно, например, продляют сроки содержания под стражей в тех случаях, когда такая мера пресечения уже была ими установлена и отказывают в этом, по существу, только по формальным основаниям.

В данную статистику следует включить и такую меру пресечения как помещение в стационар медицинского (как правило, психиатрического) учреждения лиц, в отношении которых не избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу: из 8722 таких ходатайств в 2018 году судами удовлетворено 8021 ходатайство, поскольку ни для кого не секрет, что в тех местностях, где поблизости нет стационара для лиц, заключенных под стражу, следователи стараются избрать меру пресечения в виде подписки о невыезде, а затем уже обращаются с соответствующим ходатайством о помещении в стационар к суду.

Кроме того, в 10 % неудовлетворенных ходатайств включаются и отказы в удовлетворении ходатайств по «техническим причинам», то есть в связи с опечатками и прочими подобными вещами. Исходя из указанного, доля первоначально удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу еще выше, чем 90 %.

До настоящего времени, заключение под стражу является самой «популярной» мерой пресечения, санкционируемой судом.

В частности, в том же 2018 году из 7170 ходатайств о применении в виде меры пресечения домашнего ареста удовлетворено 6329 ходатайства, а в части залога картина еще более «печальна»: из 122 ходатайств удовлетворено 108 ходатайств. В целом, получается, что

суд санкционирует иные мере пресечения, нежели заключение под стражу, менее чем в 6 % случаев от общего числа обращений.

Практика рассмотрения судами жалоб на содержание под стражей свидетельствует о том, что наличие лишь одного признака – обвинения в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы, является для судов достаточным основанием как для заключения под стражу, так и для продления срока содержания под стражей. Достаточно формальным является и рассмотрение вопросов о продлении срока содержания под стражей.

Сам подход законодателя к избранию наиболее строгой меры пресечения из имеющихся возможностей является порочным, ориентирует органы расследования на предъявление как можно более тяжкого обвинения в целях убедить впоследствии суд поместить такого обвиняемого под стражу.

Вышестоящая судебная инстанция не «наказывает» нижестоящие суды отменой вынесенных ими судебных актов даже при наличии явного несоответствия действий суда требованиям закона.

По нашему мнению, заключение под стражу или подписка о невыезде являются далеко не единственными мерами пресечения, затрагивающими права граждан и, в случае их незаконности, причиняющие им существенный ущерб.

Авторы справедливо указывают, что неверно игнорирование возможности причинения вреда вследствие незаконного задержания подозреваемого, применения залога или домашнего ареста и т.п. (Вишняков, 2008: 23-29).

Не менее важным представляется нам и возможность установления деликтной ответственности при необоснованном наложении ареста на имущество. В современных условиях это представляется особо актуальным и значимым, поскольку на практике это обычно влечет значительные материальные убытки и, кроме того, нельзя исключать ситуации использования суда как инструмента в конкурентной борьбе.

В этой связи обратим внимание на серьезное, по нашему мнению, упущение законодателя: отсутствие гражданско-правовой ответственности за незаконное санкционирование судом отдельных следственных действий и иное необоснованное ограничение прав, в том числе, относящихся к конституционным правам личности (право на жилище, право на тайну переписки и т.п.).

Мы полагаем, что любые меры пресечения, либо иного процессуального принуждения, любое санкционирование тех или иных действий в отношении участника уголовного процесса судом, если установлена незаконность таких действий, должны влечь гражданско-правовую ответственность государства перед личностью.

Ограничения прав такого рода обычно толкуются судом расширительно. При этом, существуют и «половинчатые» решения, когда за заявителем было признано право возмещения вреда и в ситуации незаконного задержания в качестве подозреваемого, однако лишь в том случае, если это требование обращено к государству с указанием на незаконность решения о задержании, принятого правоохранительным органом, а не незаконного решения суда при проверке законности задержания заявителя по его жалобе.

Согласитесь, что подобного рода аргументация вряд ли может иметь место в правовом государстве.

В-четвертых, деликтным основанием может быть незаконное привлечение к административной ответственности, но лишь в виде административного ареста.

Между тем, учитывая значительные (по ряду составов – свыше одного миллиона рублей) штрафные санкции, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и региональным законодательством об административной ответственности, уплата штрафа в таком размере вполне сравнима по своим тяжелым для личности последствиям с отбыванием административного ареста.

Не менее значимы для личности и обязательные работы. Применение конфискации имущества в конкретной жизненной ситуации может стать даже более суровым наказанием, нежели штраф. Лишение специального права, предоставленного физическому лицу, может лишить его семью единственного дохода в течение длительного времени (например, лишение прав на управление транспортным средством таксиста). Незаконная

дисквалификация ведет не только к потере заработка, но и (или) к утрате важных профессиональных навыков.

Отдельно обратим внимание на административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, которое также является значимой для личности мерой государственного принуждения.

Применение данной меры административного наказания затрагивает не только само выдворяемое за пределы Российской Федерации лицо, но и членов его семьи, зависимых от него лиц, а Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал (Постановления Европейского Суда по правам человека от 26 марта 1992 г. по делу "Бельджуди (Beldjoudi) против Франции", от 21 июня 1988 г. по делу "Беррехаб (Berre-hab) против Нидерландов", от 18 февраля 1991 г. по делу "Мустаким (Moustaguim) против Бельгии", от 19 февраля 1998 г. по делу "Дали (Dalia) против Франции", от 7 августа 1996 г. по делу "С. против Бельгии", от 28 ноября 1996 г. по делу "Ахмут (Ahmut) против Нидерландов"), что подобные меры должны быть оправданы крайней социальной необходимостью и соответствовать правомерной цели.

В связи с изложенным, полагаем возможным расширить перечень указанных оснований ссылкой на любое незаконное привлечение к административной ответственности, в чем бы оно не заключалось с точки зрения примененной судом санкции.

О необходимости расширительного толкования составов деликтов, предусмотренных п.1 ст.1070 ГК РФ давно уже сигнализирует нам судебная практика.

Например, обратим внимание также на следующее обстоятельство: закон прямо не устанавливает возможности возмещения вреда от незаконных действий суда в тех ситуациях, когда в отношении лица было принято незаконное решение об административном аресте, однако оно не было исполнено в связи с дальнейшим отказом государства от административного преследования, что подтверждал в своих решениях и Конституционный Суд РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова" и другие).

В отношении юридических лиц закон предусматривает только одно основание ответственности за вред, причиненный судьей, - незаконное привлечение к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности (Зарубина, 2010: 20-24).

Вместе с тем, указанные выше случаи присуждения и взыскания денежного штрафа (которые, к тому же, почти всегда значительно выше для юридических лиц, нежели для лиц физических), конфискации имущества (включая основные средства предприятия) могут быть для юридического лица крайне значимыми и поставить под угрозу само его существование.

В связи с этим полагаем возможным расширить перечень указанных оснований ссылкой на любое незаконное привлечение к административной ответственности, в чем бы оно не заключалось с точки зрения примененной судом санкции, и в отношении юридического лица.

5. Заключение

Подводя итоги анализа закрепленных в законе оснований гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный судом, полагаем указанную норму крайне несовершенной и не отвечающей принципу справедливости.

Как минимум мы полагаем ее неполной, а указанные в ней формулировки во многом некорректными. Видимо все-таки следует предложить законодателю вести речь и об иных возможных составах деликтов. По результатам исследования мы полагаем возможным иным образом сформулировать деликтные составы, предусмотренные п.1 ст.1070 ГК РФ в отношении возмещения ущерба, причиненного незаконной деятельностью судьи, которые могут быть при нарушении прав любых участников уголовного или административного процесса как действием, так и бездействием суда.

Во-первых, это незаконное осуждение, а также привлечение к уголовной или административной ответственности (последнее – включая юридических лиц). Во-вторых, это незаконное применение мер процессуального принуждения, включая незаконное применение любых мер пресечения, в том числе, их последующее санкционирование. В-третьих, это незаконное согласование любых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих права граждан, включая право пользования или распоряжения имуществом (имущественными правами).

Также мы предлагаем изменить структуру статьи 1070 Гражданского Кодекса Российской Федерации, исключив упоминание об ответственности суда из пункта первого названной статьи и сформировать отдельный, третий пункт, который был бы посвящен вопросам формулировки деликтных составов.

От формулировок деликтных составов, указанных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ следует отказаться совсем, укрупнив и обобщив их содержательные характеристики.

Соответственно, предлагаем дополнить статью 1070 Гражданского Кодекса Российской Федерации пунктом третьим следующего содержания:

«Вред, причиненный физическому или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) и (или) решения суда при рассмотрении им дел в порядке уголовного или административного судопроизводства, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц суда в порядке, установленном законом».

Возможно сконструировать и иные, помимо прямо указанных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ деликтные составы (например, за счет выделения в качестве оснований ответственности незаконных решений по гражданским и арбитражным делам, незаконных действий суда в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства).

Также в теоретических и практических целях можно классифицировать деликтные составы, на те составы, где вред причиняется незаконными действиями суда при отправлении правосудия, и составы, где вред повлекут иные незаконные процессуальные действия судьи, то есть действия, не связанные с отправлением правосудия.

Литература

Вишняков, 2008 – Вишняков О.В. Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при осуществлении правосудия // *Российский судья*. 2008. № 5. С. 23-29.

Жметкин, 2014 – Жметкин Р.Г. К вопросу о классификационных основаниях наступления гражданско-правовой ответственности государства и иных публичных образований // *Власть Закона*. 2014. № 3. С. 182-194.

Зарубина, 2010 – Зарубина М.Н. Моделирование института гражданско-правовой ответственности суда (судьи) за вред, причиненный осуществлением правосудия по гражданским делам: в аспекте взаимного влияния международно-правовых и внутригосударственных норм // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2010. № 3. С. 20-24.

Кудрявцев, 2018 – Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 2018.

Ожегов, 2021 – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 2021.

Ожегов, Шведова, 2020 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2020.

Прусаков и др., 2018 – Прусаков Ю.М., Калмыков Ю.Н., Завгородняя Л.В. Конституционно-правовые основы юридической ответственности государственных должностных лиц и государственных служащих: Учеб пособие. Ростов-на-Дону, 2018.

Спирidonov, 2021 – Спирidonov Л.И. Теория государства и права: Учебник. М., 2021.

Филимонов, 2015 – Филимонов В.Д. Основания уголовной ответственности // *Уголовное право*. 2015. № 1. С. 106-111.

Филимонов, 2018 – Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М.: ЮрИнфоР-МГУ, 2018.

Философский словарь, 2020 – Философский словарь. М., 2020.

Философский энциклопедический словарь, 2021 – Философский энциклопедический словарь. М., 2021.

References

- Filimonov, 2015** – *Filimonov, V.D.* (2015). Osnovaniya ugovnoi otvetstvennosti [Bases of criminal responsibility]. *Ugovnoe pravo*. 1: 106-111. [in Russian]
- Filimonov, 2018** – *Filimonov, V.D.* (2018). Ugolovnaya otvetstvennost' po rossiiskomu zakonodatel'stvu [Criminal liability under Russian law]. M.: YurInfoR-MGU. [in Russian]
- Filosofskii entsiklopedicheskii slovar', 2021** – *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. M., 2021. [in Russian]
- Filosofskii slovar', 2020** – *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. M., 2020. [in Russian]
- Kudryavtsev, 2018** – *Kudryavtsev, V.N.* (2018). Genезis prestupleniya. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniya [Genesis of Crime. Experience in criminological modeling]. M. [in Russian]
- Ozhegov, 2021** – *Ozhegov, S.I.* (2021). Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. M.: Russkii yazyk. [in Russian]
- Ozhegov, Shvedova, 2020** – *Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu.* (2020). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. [in Russian]
- Prusakov i dr., 2018** – *Prusakov, Yu.M., Kalmykov, Yu.N., Zavgorodnyaya, L.V.* (2018). Konstitutsionno-pravovye osnovy yuridicheskoi otvetstvennosti gosudarstvennykh dolzhnostnykh lits i gosudarstvennykh sluzhashchikh: Ucheb posobie [Constitutional and legal foundations of the legal liability of public officials and civil servants: Textbook]. Rostov-na-Donu. [in Russian]
- Spiridonov, 2021** – *Spiridonov, L.I.* (2021). Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik [Theory of State and Law: Textbook]. M. [in Russian]
- Vishnyakov, 2008** – *Vishnyakov, O.V.* (2008). Osobennosti grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za vred, prichinennyi pri osushchestvlenii pravosudiya [Features of civil liability for harm caused in the course of justice]. *Rossiiskii sud'ya*. 5: 23-29. [in Russian]
- Zarubina, 2010** – *Zarubina, M.N.* (2010). Modelirovanie instituta grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti suda (sud'i) za vred, prichinennyi osushchestvleniem pravosudiya po grazhdanskim delam: v aspekte vzaimnogo vliyaniya mezhdunarodno-pravovykh i vnutrigosudarstvennykh norm [Modeling the institution of civil liability of a court (judge) for harm caused by the administration of justice in civil cases: in terms of the mutual influence of international legal and national norms]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*. 3: 20-24. [in Russian]
- Zhmetkin, 2014** – *Zhmetkin, R.G.* (2014). K voprosu o klassifikatsionnykh osnovaniyakh nastupleniya grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti gosudarstva i inykh publicnykh obrazovaniy [On the issue of classification grounds for the onset of civil liability of the state and other public entities]. *Vlast' Zakona*. 3: 182-194. [in Russian]

Основания гражданско-правовой ответственности судей

Алексей Анатольевич Максуров ^{а,*}

^а Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа действующего российского законодательства и правоприменительной практики рассматриваются вопросы привлечения судей к гражданско-правовой ответственности.

Автором сконструированы составы деликтов, служащих основанием для привлечения судьи к ответственности, показаны пределы и ограничения, связанные с реализацией такого рода возможностей. По мнению исследователя, проблема здесь заключается в том, что у гражданского правонарушителя в его «классическом» понимании выделяются формальный

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maxurov78@yandex.ru (А.А. Максуров)

и материальный признаки, однако такой подход несколько трансформируется в данном случае, поскольку основанием здесь будет уже служебное правонарушение.

Такого рода юридическое основание деликта позволяет иначе взглянуть на вопросы вины. Также это влияет и на понимание самих действий по причинению вреда, в связи с чем автор предлагает расширить положения пункта 1 статьи 1070 ГК РФ, предусмотрев в качестве основания гражданско-правовой ответственности ситуации, когда судья, не совершая активных действий, тем не менее, должен был их совершить исходя из существа находящегося в его производстве дела (противоправно бездействовал).

Исследователь приходит к выводу о том, что персональность совершения конкретных незаконных действий конкретным должностным лицом – судьей – никак не влияет на сам факт возмещения ущерба и его размер, что позволяет говорить об ущербе от судебных актов, принятых коллегией судей при безусловном соблюдении тайны совещательной комнаты.

В работе сделаны предложения по совершенствованию законодательства о привлечении судей к ответственности. Определено, в каких ситуациях привлечение российских судей к гражданско-правовой ответственности невозможно или затруднено.

Также в исследовании приводятся дополнительные основания привлечения судей к ответственности, которые могут найти отражение в гражданском законодательстве.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, ответственность судей, деликт, основания ответственности, вина в правонарушении.